

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

основан в 1818 г.

107031 (РФ, СНГ). 107996 (международный), г. Москва, ул. Рождественка, 12, тел.: (495) 621-18-84, (495) 625-64-61, факс: (495) 623-19-09
www.ivran.ru, inf@ivran.ru, acadsecretary@ivran.ru
ИНН: 7702028909, КПП: 770201001, ОГРН: 1037739314084

№ _____

На № _____

ОТЗЫВ

на диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук
Круглова Владислава Владиславовича на тему
«Терминология древнекитайского трактата *Сицы чжуань*
(«Повествование привязанных слов») и ее проекция на фразеологию
современного политического дискурса»

Диссертационное исследование В. В. Круглова посвящено важной и актуальной проблеме корректной интерпретации смысла речей, звучащих на высшем уровне в политическом дискурсе КНР, – которая вместе с тем требует повышенной ответственности и осторожности от исследователя, а также особого внимания к избранной им методологии. К сожалению, представленная работа далеко не в полной мере соответствует этим ожиданиям.

Диссертация состоит из введения, двух глав и заключения, а также списка использованной литературы и пяти приложений. Объект исследования определён как «система терминов древнекитайского трактата *Сицы чжуань*», предмет – как «синтаксическая деформация фразеологических оборотов чэньюй, ядром которых являются термины древнекитайского трактата *Сицы чжуань*, в политическом дискурсе современного китайского языка, а именно в речах Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и Си Цзиньпина». В действительности содержание диссертации явно выходит за рамки указанного объекта, поскольку анализируемые во второй главе современные чэньюй речи лидеров КНР связаны с «И-цзином» лишь этимологически: они используются в современном политическом дискурсе вне контекста памятника «*Си-цы чжуань*» и отдельно от других элементов его «системы терминов». Кроме того, в анализируемую выборку включены не только чэньюй, восходящие к «*Си-цы чжуаню*», но и имеющие в качестве источника происхождения другие канонические комментарии к «*И-цзину*», что ставит под вопрос не только корректность определения объекта, но и необходимость анализа источника согласно методологии первой главы для выполнения задач второй главы.

Заявленная цель исследования – «эксплицировать терминологический аппарат древнекитайского трактата *Сицы чжуань* и определить основные векторы синтаксической деформации фразеологических оборотов чэньюй традиции «*Ицзина*» в современном политическом дискурсе КНР». Легко заметить, что под «целью» здесь понимаются сразу две цели – причём явно разнонаправленных и сведённых вместе искусственно. Экспликация терминологического аппарата памятника – задача, направленная на реконструкцию и интерпретацию аутентичного смысла используемых в «*Си-цы чжуане*» терминов, определение же векторов синтаксической деформации современных чэньюев ицзинистического

происхождения подобной реконструкции не требует, что ясно демонстрирует вторая глава, в которой для определения синтаксической принадлежности чэньюя и его значения надобности в обращении к тексту «И-цзина» не возникает (об этом будет сказано ниже).

Среди задач обращает на себя особое внимание следующая: «... рассмотреть существующие синоптические списки традиционной китайской философии и культуры и на их основе сформировать семантическое поле наиболее частотных терминов древнекитайского трактата *Сицы чжуань*». Из этой формулировки остаётся неясным, каким образом на основе нескольких синоптических списков предлагается сформировать семантическое поле «Си-цы чжуаня», если их несколько и они, следовательно, неодинаковы по составу? Предлагается ли отбирать понятия по каким-то критериям либо просто включить все понятия из всех найденных списков? Однако, как выясняется, вопросы эти неактуальны, поскольку на с. 23 мы видим, что автор при выделении терминов «Си-цы чжуаня» использовал лишь один синоптический список А.И. Кобзева из энциклопедии «Духовная культура Китая», а об остальных – только рассказал, что прямо противоречит выводу раздела 1.1, который гласит:

«Для комплексного описания терминов необходимо привлечение нескольких синоптических списков, так как их авторы опираются на разные философские традиции, и методология описания основных категорий различается. В фокусе данного исследования оказались наиболее авторитетные синоптические списки отечественных (А.М. Карапетьянц, А.И. Кобзев) и западных (Чэнь Юнцзе, Джозеф Нидэм, У И) синологов, что предопределяет достаточно точную и комплексную интерпретацию всех выведенных на основе количественных подсчетов терминов».

В действительности применение автором единственного списка Кобзева свелось к подсчёту того, сколько раз в «Си-цы чжуане» употребляются те или иные понятия из данного списка, однако никакой исследовательской интерпретации за этим не последовало – то есть не было продемонстрировано самое главное для доказательства научной полезности предлагаемой методологии: какие выводы об источнике мы можем сделать на базе данных подсчётов.

Труды А.И. Кобзева были, по всей видимости, использованы автором и в качестве основы для собственного текста на с. 20–21 (статья «Категории и основные понятия китайской философии и культуры» из энциклопедии «Духовная культура Китая», том «Философия»). Объективности ради, автор не ограничивается данными этой статьи и расширяет, а порой и уточняет их, однако не вызывает сомнений, что основная канва и логика раздела была беззастенчиво скопирована оттуда. Насколько это близко к рерайту, или переписыванию чужих материалов своими словами, судить диссертационному совету, я же хотел бы привести лишь один фрагмент для наглядности:

Диссертант:

«В первую очередь из-за автохтонности и внутрикультурной органичности гомогенного развития этот терминологический аппарат совпадает с естественным языком в форме классического китайского языка вэньянь, что и задает рамки первого уровня. На следующем уровне ставятся более узкие рамки, что сокращает наборы терминов от нескольких тысяч до нескольких сотен. Можно привести следующие примеры подобных списков. В работе китайского философа У И упоминается 2600 философских терминов [Wu Yi, 1986, с. 11], в «Большом философском словаре» (“Чжэсюэ дацзыдянь”) содержится 1147 словарных статей [Большой философский словарь, 1985], а в толково-энциклопедическом словаре “Цыхай” представлено 217 статей в рамках философского дискурса [Цыхай, 1961]».

А.И. Кобзев:

«В широком смысле этот лексикон в силу своей автохтонности и предельной внутрикультурной органичности гомогенного развития практически совпадает с естественным языком, разумеется, в его письменном и литературном, а следовательно, достаточно искусственном варианте — **вэньяне**. В более узком смысле лексикон традиционной китайской философии представляет собой набор терминов — от нескольких тысяч (таков же словарный минимум естественного языка; см. ниже о данных У И относительно 2600 терминов) до нескольких сотен. В одно из изданий популярнейшего толково-энциклопедического словаря “Цы хай” вошло 217 словарных статей по данной тематике. Лексический состав этого промежуточного уровня определяется совершенно условно в зависимости от избранной степени подробности отражения языковых особенностей многовековой философской традиции. К примеру, в авторитетном «Большом философском словаре» (“Чжэсюэ да цыдянь”) представлено 1147 терминологических статей, являя таким образом среднюю величину по отношению к указанным лимитам в 217 и 2600 единиц».

Историографический обзор (с. 7–9) и теоретическая основа (10–11) ограничивается перечислением фамилий исследователей и заглавий их трудов и практически не включает какой-либо содержательной характеристики вклада каждого из них — то есть освещение степени разработанности научной проблематики диссертации вряд ли можно назвать удовлетворительным. Материалом исследования, по словам автора, «послужили пять томов политических речей Мао Цзэдуна, три тома выступлений Дэн Сяопина и три тома сочинений Си Цзиньпина «О государственном управлении». Увы, информации, позволяющей оценить репрезентативность выборки материала для анализа, явно недостаточно: не указан ни процент от общего числа опубликованных работ лидеров КНР, который составляют проанализированные сборники речей, ни объём этих текстов в сравнении друг с другом, ни средняя частота употребления ицинистической фразеологии на единицу текста — а ведь все эти параметры способны кардинально повлиять на итоговые выводы.

Ключевой для работы термин «экспликация» не пояснён — а поскольку в положениях, выносимых на защиту, утверждается, что без применения понятия «структурный параллелизм», экспликация терминологической системы «Си-цы чжуаня» невозможна, это весьма затрудняет оценку корректности данного положения. Вполне возможно, речь идёт о банальной интерпретации — но тогда неясно, на каком основании утверждается принципиальная невозможность какой бы то ни было интерпретации без обращения к структурному параллелизму. Не дано определение и другого важного термина — «проекции», вынесенной в заглавие работы. Если под ней понимается экстраполяция аутентичной терминологической системы отдельных древнекитайских памятников на современный политический дискурс, это едва ли может быть признано оправданным и продуктивным: так, если интерпретировать чэньюй «каждый занимает своё место» (*гэ дэ ци со* 各得其所), проецируя значение данного сочетания из «Си-цы чжуаня», где это говорится о рынке, который устроил Шэнь-нун, научив людей торговать, в результате чего произошёл обмен товарами и все вещи обрели свои места, результат подобного семантического переноса в современный политический дискурс будет заведомо абсурден. Кроме того, сам автор в работе практически не пользуется термином «проекция», что вызывает сомнения в удачности формулировки темы.

Отдельные вопросы вызывает использование автором термина «деформация» применительно к чэньюям. Напомним, что чэньюй, по определению, избранному автором, — это «устойчивое фразеологическое словосочетание, построенное по нормам классического китайского языка вэньянь, семантически монолитное, с обобщенно-переносным значением, носящее экспрессивный характер и способное выступать как самостоятельный член

предложения». То есть – это лексическая сущность совсем иной природы, чем оригинальные сочетания иероглифов в контексте «И-цзина», от которых произошли данные чэньюи. Однако далее автор определяет «синтаксическую деформацию чэньюев» как «трансформацию формы и синтаксической роли ... чэньюй, первоначально представляющих собой самостоятельные синтаксические комплексы, в современном китайском языке».

Налицо теоретическое противоречие: коль скоро чэньюи понимаются согласно определению автора и изначальные сочетания иероглифов из «И-цзина» чэньюями не были, ибо не были устойчивым фразеологическим сочетанием, то как можно говорить здесь о деформации чэньюев? Чтобы что-то могло деформироваться, оно, очевидно, сначала должно сформироваться. Таким образом, по факту во второй главе мы наблюдаем не модели синтаксической деформации чэньюев в современном политическом дискурсе, а различные синтаксические роли чэньюев в современном китайском языке на примере употреблений этих чэньюев в политическом дискурсе. Насколько это ново с филологической точки зрения – оставляю на суд уважаемого диссертационного совета.

Ещё одним ярким примером вольного обращения с терминологией является неразграничение автором цитаты и фразеологизма, в результате чего в заключении второй главы утверждается, что «несмотря на то, что большинство рассмотренных фразеологических оборотов было использовано в сборнике речей только один раз, это не снижает важности и места «Канона перемен» в современном общественно-политическом дискурсе». Здесь можно провести такую аналогию: необходимо ли нам реконструировать аутентичную терминологическую систему «Слова о полку Игореве», чтобы адекватно понять выражение «растекаться мыслью по древу» в современном политическом тексте, считая это выражение цитатой и, соответственно, понимая «мысль» как «мышь» – то есть белку, – или достаточно банального обращения к словарю фразеологизмов современного русского языка? Здравый смысл подсказывает, что второго – достаточно, а первое – вовсе не обязательно, поскольку изначальная цитата к настоящему времени уже стала фразеологизмом современного языка, зафиксированным в словаре, остальное – вопросы этимологии, а не актуального значения. Обратное необходимо специально доказывать, чего автором сделано не было.

Отмеченная сомнительность отождествления цитаты из «И-цзина» и фразеологизма ицзинистического происхождения делает не вполне уместными справедливые слова М.В. Софронова о том, что «цитата является своего рода ключом к пониманию текста, который открывает ему доступ в мир высоких значений обыденных слов», а также о том, что «функция цитаты в любой ее форме является в китайском тексте традиционной культуры средством трехсторонней коммуникации автора современного текста, цитируемого классического текста и читателя» (с. 142). Увы, наличие в фокусе настоящего исследования как цитат, так и китайского текста традиционной культуры применительно к чэньюям ицзинистического происхождения в современном политическом дискурсе остаётся лишь принять на веру.

Сама квалификация ряда чэньюев как «чэньюев ицзинистической традиции» также не кажется бесспорной: некоторые из отмеченных в таком качестве сочетаний именно в виде, зафиксированном впоследствии в чэньюях, в «И-цзине» не употребляются вовсе (например, «закрыться-запереться, себя держать» *би-гуань цзы-шоу* 闭关自守 и «вина велика, зло предельно» *цзуй да э цзи* 罪大恶极), другие – употребляются также во множестве других произведений древнекитайской философской традиции. К примеру, чэньюй «каждый занимает своё место»: такое выражение действительно имеется в «Си-цы чжуане», но также оно употребляется, например, в таких классических философских и исторических трудах, как «Лунь-юй» и «Чунь-цю фань-лу», – и уже в них нисколько не отсылает к ицзинистической проблематике, а означает только буквальное «каждый занимает своё место» (у Конфуция – это оды и гимны при правильном музыкальном

порядке, у Дун Чжун-шу – сотни чиновников в правильно выстроенной системе государственного управления). Весьма распространённым является в древних текстах и выражение «подобно этому, и только» (*жу цы эр и 如此而已*), тогда как в «Си-цы чжуане» в такой формулировке оно вообще не употребляется.

С учётом этого несколько неоправданным кажется безусловное доверие словарю, возводящему происхождение данных чэньюев к «И-цзину»: критический подход и дополнительная аргументация в пользу включения тех или иных чэньюев в выборку здесь были бы весьма кстати. Соответствующий список приведён в Приложении 4, и по многим позициям он выглядит не очень убедительно: принадлежность к ицзинистической традиции зачастую иллюстрируется лишь совпадением одного-двух иероглифов в чэньюе и каком-либо отрывке из «И-цзина», как, например, в пунктах 5, 11, 25.

Научная новизна диссертации определена, в частности, следующим образом: «Впервые устанавливается лингвокультурологическая связь между древнекитайскими трактатами и современным политическим дискурсом КНР сквозь призму лингвистического анализа фразеологических оборотов традиции “Ицзина” в программных речах Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и Си Цзиньпина». Связь эта, однако, проявляется на поверку только в констатации автором происхождения ряда чэньюев от «И-цзина» и ни в чём более; новой эта информация не является – автор воспользовался уже имеющимися данными об этимологии чэньюев из китайского словаря.

Среди положений, выносимых на защиту, имеется следующее: «Адекватная экспликация терминологического аппарата древнекитайских трактатов может быть произведена только с опорой на синоптические списки традиционной китайской философии и культуры» (с. 14). Отчего же только? Разве доказано, что это единственный путь? Совершенно неясно, зачем непременно обращаться к общему списку при реконструкции частной терминологической системы конкретного памятника: это, безусловно, может оказаться полезным, но в равной степени может и увести исследователя в сторону, если источник является крайне специфичным. Аналогичное недоумение вызывает и положение, согласно которому «применение понятия структурного параллелизма необходимо для схематизации текста “Си-цы чжуань” и последующей экспликации» (там же): разве даже гипотетически невозможно схематизировать и эксплицировать терминологию памятника иначе, не пользуясь понятием структурного параллелизма?

Потенциально интересным с научной точки зрения может быть названо следующее положение: «в политическом дискурсе современного китайского языка возрастает частота использования четырёхсложных фразеологических оборотов» (с. 14-15). Однако доказывается это, увы, не сколько-нибудь репрезентативной статистикой частоты употребления чэньюев в политических выступлениях, устных и печатных, а лишь сравнением этих употреблений в отдельных сборниках речей Мао, Дэна и Си – хотя это только три человека и три сборника, то есть разница в результатах может объясняться всего лишь индивидуальными личностными особенностями и / или особенностями подборок. Стоит ли говорить, что для доказательства этого положения совершенно не нужно заниматься экспликацией терминологической системы памятника «Си-цы чжуань» – и достаточно только посчитать частоту употребления чэньюев в динамике в соответствующих материалах.

Все же остальные положения – либо неоправданно безапелляционны, либо самоочевидны и доказательства не требуют, в связи с чем едва ли могут быть названы новым словом в данной исследовательской области.

Теоретическая значимость работы позиционируется как «разработка методологии выявления терминологического аппарата классических китайских трактатов». Непосредственную реализацию данной методологии мы видим на с. 40, где автор выделяет

на основе обнаруженных параллелизмов 40 оппозиционных пар терминов и объявляет их «ядром терминологического аппарата памятника». Однако непонятно, на каком основании делается это утверждение – как минимум потому, что не доказано, что термины непременно должны входить в такого рода структурные оппозиции. В качестве примеров «внеопозиционных» терминов из того же «Си-цы чжуаня» можно привести одни из важнейших терминов древнекитайской философии *шэн* 聖 «святомуудрый» и *сянь* 賢 «достойный», которые в итоге остаются за рамками «терминологического ядра» просто потому, что им не случилось вступить в парные отношения. При этом тот же *шэн* встречается в «Си-цы чжуане» целых 20 раз и, кстати, входит в синоптический список А.И. Кобзева (раздел «Социология», №94), которым руководствовался диссертант при выделении ключевых понятий «Си-цы чжуаня». Таким образом, абсолютизация роли параллелизмов, как и практическая любая крайность, представляется весьма пагубной для адекватной реконструкции терминологической системы памятника.

Кроме того, неясно, на каком основании диссертант утверждает, что без схематизации не просто неудобно, а именно «невозможно» извлечь из текста эти пары, кодировка которых является не более чем вспомогательным инструментом, применению которого предшествует стандартная интерпретация исследователем грамматической структуры в каждом конкретном случае «вручную». Дальше – больше: «необходимым» объявляется уже и цветовое обозначение различных видов оппозиций, что аргументируется «невозможностью» отражения на уровне морфологического глоссирования позиций «Семантическая соотнесённость компонентов» и «Отношения между компонентами», – несмотря на то, что парой страниц выше автор сам представил в таблице 1 способ кодировки, в котором эти параметры отражаются отдельными буквами и раскраски не требуют.

Отношения между элементами оппозиционных пар подразделяются диссертантом на антонимические, синонимические и смежные. Увы, определения последним не даётся, причём исходя из таблицы, такое отношение имеет, например, пара «низменное – высокое» (*бэй-гао* 卑高) – хотя, казалось бы, перед нами чистейший пример антонимической связи; также к такой связи относится, напротив, вполне синонимичная пара «роды – группы» (*лэй-цюнь* 类群). Таким образом, критерии данного разделения не вполне ясны.

Далее в первой главе подробно, пофразово описывается грамматическая структура памятника и оппозиционных пар – однако всё это, с некоторыми дополнениями, есть расшифровка уже данных выше обозначений, что в значительной степени делает их излишними. В завершающем главу разделе 1.4 даётся анализ оппозиционных терминов «небо» и «земля» – при этом непонятно, почему выбрана именно эта пара, а другие оставлены за скобками, а также что нового позволил обнаружить данный анализ, чего не было известно о ней ранее. Более того, содержание данного раздела трудно охарактеризовать иначе как устаревшее, в высшей степени неаккуратное с точки зрения терминологии и потому дезинформирующее читателя: к примеру, походя заявляется о трансцендентности Неба у Чжуан-цзы, о выступлении Небес в качестве оптимальной модели поведения для людей, а также о бессилии людей изменить решения Небес, каковой параграф почему-то озаглавлен «Сверхреальность за пределами знания» (о возможности влиять на небесное предопределение “тянь-мин” см., например, статью А.И. Кобзева «Мин» в энциклопедии «Духовная культура Китая», том «Философия»). Откровенно говоря, вызывает недоумение сама необходимость включения этого раздела в текст диссертации, не только из-за низкой кондиционности излагаемого, но и потому что он представляет собой не что иное, как справочный материал реферативного характера, который куда более уместен в энциклопедии, а не в исследовательской работе. Ссылок на соответствующие статьи «Духовной культуры Китая» было бы вполне достаточно.

Резюмируя, предлагаемые в первой главе подробнейшим образом описанные действия, условные кодировки и описания, увы, не дают сколь-либо осязаемого прироста для научного знания. Не было показано ни одного примера того, как предлагаемая методология позволяет не просто сделать более наглядной уже проведённую ранее интерпретацию грамматической структуры текста, а выделить из неё новое знание, не говоря уже о том, что не была доказана безальтернативность этой методологии для корректной реконструкции терминологии памятников древнекитайской философии.

Почти все выводы первой главы – по сути своей не являются полученными в результате исследования. Так, представление о синоптических списках как о методологической основе (вывод 1) было принято автором в качестве исходных позиций для исследования, а не было установлено в ходе работы с материалом, равно как и представление о том, что количественный и качественный анализ позволяет эксплицировать терминологический аппарат «Си-цы чжуаня» (вывод 2). То же самое можно сказать и о выводах 5, 6, 7, 8, 9, 10. По сути, исследовательский «выхлоп» первой главы сводится к установлению того, какие термины из синоптического списка А.И. Кобзева более всего представлены в «Си-цы чжуане» (причём в самом выводе почему-то из этого списка выброшены разделы «Методология» и «Гносеология и праксиология», хотя в самой главе они упомянуты). Вопрос о том, каким образом этот результат способен помочь в анализе современных чэньюев, – остаётся открытым.

Авторская классификация чэньюев, представленная во второй главе, никак не прокомментирована, что несколько затрудняет понимание того, что понимается под каждым из видов. Это усугубляется тем, что некоторые чэньюи входят сразу в несколько видов – к примеру, «поддерживать это с постоянством» (*чи чжи и хэн 持之以恆*), входящий и в группу атрибутивно-деформированных, и в группу адъектно-деформированных; уже упомянутый *э дэ ци со*, попавший одновременно в число и комплементарно-деформированных, и предикативно-деформированных, и не подвергшихся деформации, и т. д. Таким образом, видимо, правомернее здесь говорить о различных видах синтаксической роли чэньюев, а не о чэньюях различных видов.

Далее следует занимающее примерно половину (!) собственно исследовательской части диссертации (с. 66–140) цитирование оригиналов и опубликованных переводов фрагментов речей лидеров КНР, в которых встречаются «чэньюи ицинистической традиции», местами с критическими комментариями и исправлениями диссертанта и последующей разбивкой фраз с чэньюями на глоссы: при этом ни для одного проанализированного чэньюя не делается попытки произвести интерпретацию с учётом оригинального текста древних канонов, несмотря на то, что это объявляется обязательным условием для адекватного перевода. Исправление некорректных опубликованных переводов – дело во многом полезное, однако, очевидно, ещё не предоставляющее нового научного знания, что является обязательным требованием для работы, представленной на соискание учёной степени.

Стоит сказать несколько слов и о критике диссертантом опубликованного в 2014 г. перевода речей Си Цзинь-пина, выполненного группой неназванных переводчиков из КНР. Ряд фрагментов в нём действительно вызывают вопросы и более или менее аргументированно исправляются автором. Однако некоторые из претензий представляются откровенно надуманными: так, термин *цюньчжун*, вполне адекватно переведённый в этом издании как «массы», во фразе *цюнь-чжун шо* «в массах поговаривают», диссертант отвергает небрежным «естественнее было бы перевести “в народе говорят”»; а перевод *ганьбу* как «кадры» – и вовсе без всякой аргументации, словами «лучше перевести как “чиновник” или “должностное лицо”». Подобное однозначное предпочтение стандартных китайско-русских соответствий марксистской терминологии субъективному ощущению

«естественности» в контексте филологического исследования вызывает некоторое недоумение. Пользуясь случаем, представляется уместным отослать автора к монографии Джулии Страусс «State Formation in China and Taiwan: Bureaucracy, Campaign, and Performance» 2020 г. (с. 37–43), где подробно освещается, как и когда слово *ганьбу* вошло в терминологию КПК и почему оно означает именно «кадры», а не «чиновники» и «должностные лица»: в частности, в данной работе показано, что *ганьбу* – это заимствование французского слова «кадр» через японский или русский.

Вывод второй главы о том, что «ицинистическая фразеология в форме квартномных оборотов чэньюй часто используется в речах политических лидеров КНР и сохраняет философский подтекст» (с. 144, последующие выводы – см. с. 145) нельзя назвать обоснованным хотя бы потому, что критерии частоты и редкости использования сформулированы не были, равно как не был проявлен и какой-либо философский подтекст рассмотренных высказываний.

На схожих основаниях нельзя признать удовлетворительным и следующий вывод – о том, что «проблемой контекстного анализа ицинистических терминов в общественно-политическом дискурсе является многозначность данных лексических единиц, решение которой лежит в рассмотрении этих лексем в составе чэньюев с привлечением источника происхождения фразеологизмов». Выбор нужного значения из множества с помощью привлечения источника происхождения чэньюя, как уже сказано, продемонстрирован в работе не был, как и трудности в интерпретации чэньюев в политическом дискурсе, связанные с их многозначностью.

Вывод 3 о структурно-семантических характеристиках чэньюев не был получен и доказан в ходе исследования, а является его исходной позицией, принятой на базе уже существующей научной литературы о чэньюях.

Вывод 4 о «междискурсивности, которая проявляется в симбиозе повседневно-разговорного стиля и общественно-политического дискурса, где фразеологические обороты становятся неотъемлемой составляющей» никак не вытекает из содержания диссертации: примеры такой междискурсивности в тексте не приведены, она не доказывается, а лишь декларируется в одном отрывочном предложении на с. 58, что не даёт возможности считать её выводом данного исследования.

Вывод 5 о том, что «филологическим каркасом для общественно-политического дискурса китайского языка являются классические каноны и трактаты, составляющие «Четверокнижие», «Пятиканоние» и «Тринадцатикнижие», является воспринятым из научной литературы, а не полученным в результате исследования результатом.

Вывод 6 о том, что «использование ицинистической фразеологии существенно увеличилось в речах Си Цзиньпина по сравнению с Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином» мог бы быть признан результативным, если бы не отмеченная выше проблема репрезентативности выборки.

Вывод 8 о том, что «ицинистические чэньюи сохраняют свою внутреннюю синтаксическую целостность, поэтому в большинстве контекстов они выступают в качестве определений к группе слов “причина”, “явление”, “результат”», оставляет в недоумении насчёт причинно-следственной связи между сохранением синтаксической целостности и выступлении в качестве определения к группе слов «причина», «явление» и «результат». Собственно, неясно даже, что это за группа слов, поскольку в тексте диссертации по этому поводу никаких пояснений не даётся.

В заключении диссертации сказано, что «при анализе переводов политических речей Си Цзиньпина было обнаружено много неточностей при передаче семантики фразеологических оборотов чэньюй на русский язык, поскольку не учитывались факторы этимологического значения и источников происхождения» (с. 149). Утверждение о том, что именно по этой причине переводчиками речей председателя Си были допущены ошибки в переводе ничем не подкреплено: за всю вторую главу автор ни разу не обратился к

оригинальному контексту «И-цзина» в целях определения и аргументации корректного перевода. Напротив, гораздо чаще при корректировке перевода чэньюев совершался отход от оригинальной формы фразеологизмов, характерной для древних памятников, в угоду стилистическому благозвучию согласно контексту политической речи – то есть движение производилось в диаметрально противоположную сторону.

Любопытно и другое: автор не критикует и не корректирует советские переводы речей Мао Цзэ-дуна и Дэн Сяо-пина, более того, высказывает в их отношении одобрение, называя профессиональными, – хотя авторы этих переводов, очевидно, не использовали предложенную диссертантом методологию экспликации терминологической системы памятников древнекитайской философии. Из этого следует, что либо эта методология не является необходимой для адекватного перевода, либо она не является новацией автора – в любом случае налицо противоречие с декларируемыми выводами настоящей работы.

Здесь нужно сказать, что само по себе обращение к оригинальному контексту памятников-источников при переводе чэньюев, безусловно, является полезным для адекватной передачи как формы, так и содержания этих фразеологизмов. Однако для того чтобы доказать необходимость такого обращения для адекватного перевода современных политических текстов, недостаточно отдельно реконструировать терминологию памятников-источников чэньюев и отдельно показать употребления этих чэньюев в современном тексте; необходимо также продемонстрировать, как именно проведённая реконструкция и учёт оригинального значения выражения, ставшего позже чэньюем, позволяет более адекватно перевести данный чэньюй в тексте современном.

Поскольку сделано этого не было, заключение автора на с. 142 о том, что «перевод большинства фразеологических оборотов требует контекстуального анализа и обращения к первоисточнику, точнее к памятнику или традиции, откуда произошел тот или иной фразеологический оборот» воспринимается голословным. В диссертации буквально нигде не демонстрируется, каким образом экспликация аутентичной терминологии «Си-цы чжуаня» позволяет лучше понять употребляемые в речах политических лидеров КНР ицинистические чэньюи по сравнению с банальным обращением к современному словарю чэньюев. А если качественной разницы здесь нет – сомнительна и продуктивность предлагаемой методологии анализа древнекитайских трактатов для декларируемых целей.

Разнообразные огрехи технического характера в работе также представлены. Так, в рамках одного предложения названия памятников, переданный транскрипцией, то склоняются, то нет, и на с. 26 мы видим подобный разнобой в рамках одного предложения: «В. С. Спирин констатировал сходство “Сицы чжуань” и “Дао дэ цзина”». Встречаются и неверные транскрипции: *шэн* вместо верного *сянь* 賢 «достойный» (с. 41) *цзяньчжи* вместо правильного *цзяньчи* 堅持 «придерживаться» (с. 74), *чжэнь* и *чжэньцзы* вместо *дин* 釘 и *динцзы* 釘子 «гвоздь» (с. 83), *фэньцзы* вместо правильного *фэньцзы* 分子 «элементы» (с. 130) и др. Приведённая лишь в двух (!) местах диссертации транскрипция Уэйда-Джайлза к «небу-тянь» и «земле-ди» ради «более экономной по времени навигации по компендиумам» в одном из случаев также дана ошибочно – вместо правильного «t'ien» – «t'ieu».

В переводе «Си-цы чжуаня» автор периодически отходит от декларируемого принципа учёта структурного параллелизма без каких-либо пояснений, к примеру при переводе фрагмента 11411 на с. 44:

範圍天地之化而不過，
曲成 萬物而不遺，通乎晝夜之道而知。

«[Они] моделируют преобразования Неба и Земли и не заблуждаются, изгибаясь, формируют тьму вещей и не оставляют их, проникают в Дао дня и ночи и знают». Здесь следовало бы отразить параллелизм *фань-вэй* 範圍/ *цюй-чэн* 曲成 и переводить эти сочетания,

например, как «моделируют и обрамляют / изгибаются и формируют», а не как «моделируют / изгибаясь, формируют». Также порой не выделяются квадратными скобками некоторые добавленные автором в переводе слова, отсутствующие в оригинале, см. ту же с. 44:

以言乎天地之間，則備矣。

«Если ими [Переменами] говорить о том, что находится между Небом и Землей, то все будет в наличии». В скобки следовало бы поместить отсутствующие в оригинале «находится» и «всё». Где-то в переводе допущены и более существенные для понимания смысла пропуски, к примеру снова на той же с. 44:

廣大配天地...

«Обширное и великое соответствуют Небу...»

Корректно: «Обширное и великое соответствуют Небу и Земле». Пропущен важнейший термин, анализу которого в паре с Небом диссертант посвятил целый раздел. Кроме того, явные огрехи терминологического характера имеет перевод цитаты из «Шу-цзина», приведённый на с. 45:

予惟小子，不敢替上帝命。天休於寧王，興我小邦周，寧王惟荀用，克綏受茲命

«Я, Шао-гун, всего лишь маленький человек и не смею отдавать приказы вместо Неба. Небеса благословляют Чжоу Вэнь-вана и помогают нашему маленькому государству возвыситься». В действительности оригинальное выражение *ti shan-di min* 替上帝命 означает не «отдавать приказы вместо Неба», а «отдавать приказы вместо Шанди», то есть верховного предка / предков. Следующий же за этим переводом тезис «Здесь Небеса интерпретируются как Бог, обладающий высшей властью и способный контролировать судьбы людей, и, значит, как воплощение богов, Создатель и высший Дух» содержит столько безосновательных утверждений, что об этом впору писать отдельную статью.

Что же в сухом остатке? В первой главе диссертант перевёл не единожды и не первый десяток лет как уже переведённый на русский язык «Си-цы чжуань», добавил к этому переводу подробное пофразовое описание его грамматической структуры и закодировал это описание авторской системой условных обозначений, после чего привёл местами сомнительные, местами давно и хорошо известные данные справочного характера о двух употреблённых в этом тексте общих для китайской философии терминах «небо» и «земля». Затем во второй главе автор продемонстрировал, как чэньюи, происхождение которых возводится к «И-цзину» (не только к «Си-цы чжуаню»), употреблялись в речах политических лидеров КНР, при этом никак не показав, как учёт оригинального контекста «И-цзина» позволяет более адекватно интерпретировать эти чэньюи в новом, современном контексте. Обе части исследования, таким образом, будь они отделены друг от друга, нимало бы не потеряли и не приобрели в научной ценности, что красноречиво свидетельствует о степени органичности их соединения и концептуальной консистентности работы в целом.

С учётом всего вышесказанного, к сожалению, не представляется возможным заключить, что диссертация отвечает требованиям, предъявляемым к подобного рода диссертационным сочинениям, и, соответственно, рекомендовать присуждения диссертанту искомой степени кандидата филологических наук.

кандидат философских наук,
научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН

14.05.2022

Н. В. Руденко

